

ет вывод о том, что вековые традиции коллективизма русской крестьянской общины разрушались и заменялись подозрительностью, скрытностью и завистью к достатку и благополучию (Азаров А.В. Эволюция массового сознания сибирского крестьянства в условиях коллективизации начала 30-х годов // Историческая наука на рубеже веков: Материалы Всероссийской конференции посвященной 120-летию Томского государственного университета / отв. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. Т. 3. С. 55).

Четвертый подход фокусирует процесс репрессий в деревне на проблеме экономической «ликвидации кулачества как класса».

К примеру, О.Л. Шашкова пишет, что результатом проведения жестких мероприятий репрессий стала практически полная ликвидация класса мелких независимых сельскохозяйственных производителей (Шашкова О.Л. Репрессивная политика государства в 1928–1939 гг. и ее последствия (на материалах Центрального Черноземья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2000. С. 23).

В пятом подходе репрессии против крестьянства рассматриваются как санкционированная государством политика геноцида целого класса.

По мнению А.В. Бакунина насильственная коллективизация это главное преступление сформировавшегося тоталитарного режима в СССР против самого многочисленного трудящегося класса — крестьянства, которое нужно квалифицировать как геноцид (Бакунин А.В. История Советского тоталитаризма. Екатеринбург: Б.и., 1997. Кн. 2. Апогей. С. 81).

Похожей установкой придерживается и И.Е. Зеленин, определяющий репрессивную политику против крестьян как, «установку на истребление, в том числе и физическое» (Зеленин И.Е. «Революция сверху»: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 35).

Представители шестого подхода приводят аргументы, подтверждающие факт перерастания «раскулачивания» в «жестокую войну против крестьянства, начатую сталинским режимом» (Исаев В.И. Наказаны без вины // Гуманитарные науки в Сибири. 2001. № 2. С. 63).

Таким образом, не смотря на определенную поляризацию взглядов на проблему, современные отечественные исследователи квалифицируют политику «ликвидации кулачества как класса» в СССР как репрессивную, носящую противоправный характер.

О.Н. ШУЛБАЕВ

ОСВЕЩЕНИЕ ОСНОВНЫХ ВОПРОСОВ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МТС ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1931–1941 гг. В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

История становления и развития МТС в Восточной Сибири всегда являлась и в настоящее время является важной составной частью аграр-

ной истории Сибири. Одна из ее особенностей заключается в том, что она включает в себя много аспектов, которые давно приобрели статус самостоятельных исследовательских направлений. Речь, прежде всего, идет, о таких проблемах как создание материально-технической базы колхозного производства, подготовка механизаторских и технических кадров сельского хозяйства, деятельность политотделов МТС и т.д.

Работы о МТС Восточной Сибири появились уже во время их организации. О роли МТС в сельском хозяйстве в начале 1930-х г. было написано большое количество работ (Маненков Д. МТС Востсибкрая. М.; Иркутск, 1932; За победную уборку урожая (сборник статей работников политотделов МТС Восточносибирского края). М.; Иркутск, 1934; Сельское хозяйство Восточносибирского края за 1932 и 1933 гг. М.; Иркутск, 1934 и др.). Их авторы, преимущественно партийные функционеры и руководители политотделов МТС (М. Разумов, первый секретарь Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б), М. Дорофеев, начальник Политсектора МТС Восточно-Сибирского крайзу — О.Ш.), уделяли внимание вопросам формирования материально-технической базы колхозного производства, анализировали основные промахи и недостатки работы первых МТС, выдвигали предложения по повышению производительности труда в тракторных бригадах и рациональному использованию тракторного парка МТС. Публикации 1930-х г. не отличаются высоким уровнем обобщений, несут больше описательный характер. Тем не менее, эти работы представляют определенную ценность, так как написаны по горячим следам событий и содержат цифровой материал и конкретные факты деятельности МТС, позволяющие вычлнить наиболее злободневные производственно-технические вопросы повседневной жизни МТС (подготовки кадров механизаторов, организации ремонта техники и ее рационального использования и т.д.).

Необходимо отметить, что литература 1930-х гг. получила неоднозначную оценку. Например, по мнению В.П. Данилова литература 1920–1930-х гг., в сущности, имеет не историографическое, а источниковедческое значение. Хотя, по мнению В.И. Погудина «ее (научной литературы — О.Ш.) значение для историографии социалистического преобразования деревни недооценивать нельзя. По многим вопросам аграрных преобразований в эти годы были сформулированы, поставлены основные проблемы, которые в позднейшей литературе получили свое дальнейшее развитие, теоретическое обоснование, конкретно-историческое освещение» (Погудин В.И. Путь советского крестьянства к социализму. Историографический очерк. М., 1975. С. 59–61).

Большой интерес представляют фундаментальные труды по истории крестьянства Сибири, где дается в целом характеристика динамики развития МТС на территории Сибири, указываются причины их образования, а также статистические данные о результатах их деятельности в годы первых пятилеток. В силу обобщающего характера данных работ,

материал в основном систематизирован по региональному принципу, т.е. Западная и Восточная Сибирь, при этом мало уделено внимания национальным районам Сибири. В частности сведения о МТС имеют фрагментарный характер (Крестьянство в Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1983; Крестьянство Сибири в период упрочнения и развития социализма. Новосибирск, 1985 и др.).

Особого внимания заслуживают работы Н.Я. Гущина, который внес весомый вклад в изучение аграрной истории Сибири. И хотя в работах автора конкретно не рассматривалась проблема развития МТС, они представляют интерес, прежде всего в методологическом аспекте. Так, определенные ученым еще более двадцати лет назад задачи по исследованию истории кооперативных и колхозных МТС и их реорганизации; по выяснению роли МТС в создании и укреплении уровня колхозного производства, по изучению духовного облика, быта и материального благосостояния рабочих МТС, по развитию производственных взаимоотношений МТС с колхозами, по проблемам формирования кадров механизаторов для МТС и др., не потеряли своей актуальности и в настоящее время (Гущин Н.Я., Рабочий класс Сибири в борьбе за создание колхозного строя. Новосибирск, 1965; Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства 1926–1937 гг.) Новосибирск, 1973; Гущин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне 1920-е–середина 1930-х гг. Новосибирск, 1987 и др.).

Заслуживает внимания коллективная монография «Историография крестьянства советской Сибири», вышедшая в свет в 1976 г. Основным ее достоинством является то, что в ней был обозначен круг вопросов по истории МТС слабо освещенных в научной литературе. В частности, было отмечено, что не получила глубокого исследования история кооперативных МТС, преобразование их в акционерные общества, а позднее в государственные предприятия, а также недостаточно выяснена роль МТС в повышении уровня колхозного производства и материального благополучия колхозников, не изучено влияние МТС на рост производительности труда и высвобождении рабочей силы для промышленности, не получило детального анализа формирование кадров МТС, взаимодействие политотделов МТС с сельскими Советами, слабо освещены взаимоотношения МТС с колхозами и т.д. (Историография крестьянства советской Сибири, Новосибирск, 1976. С. 207, 230, 234, 267).

Это в свою очередь позволило активизировать работу по изучению проблем, связанных с историей МТС Восточной Сибири. Так, вопросам строительства и подготовке кадров МТС в годы первых пятилеток были посвящены работы А.П. Косых (Косых А.П. Строительство МТС в Сибири в годы первой пятилетки / Социально-экономическое развитие Сибири XIX–XX вв. Иркутск, 1976. С. 57–65; Он же. Подготовка кадров в совхозах и МТС Сибири в годы первой пятилетки / Социально-экономи-

ческое развитие Сибири XIX–XX вв. Иркутск, 1976. С. 66–79). Автор на основе богатого фактического материала рассмотрел условия создания МТС в Сибири, дал оценку кампании по сбору средств на их строительство, привел основные показатели работы первых МТС Восточной Сибири, изучил специфику подготовки механизаторских кадров. В целом А.П. Косых отметил, что создание МТС имело большое политическое значение для создания материально-технической базы сельского хозяйства и массовой коллективизации, единоличных бедняцко-средняцких хозяйств в колхозы.

Частично работа МТС в Восточной Сибири рассмотрена в обобщающих работах по истории Бурятии, Красноярского края, Хакасии, написанных еще в 1960-е г. (История Бурятской АССР. Т. 2. Улан-Удэ, 1959; История Красноярского края. Красноярск, 1967; Очерки истории Хакасии советского периода. Абакан, 1963). В этих исследованиях в общих чертах прослеживаются основные этапы создания и деятельности МТС, приведены цифровые данные о машинотракторном парке, названы первые трактористы — передовики производства, указаны достижения и успехи в сфере механизации сельского хозяйства. Вместе с тем выделены и некоторые недочеты в работе МТС в предвоенные пятилетки. Среди которых отмечены такие как, не выполнение плана тракторных работ в полном объеме или в срок в период весеннего сева, вспашки паров и т.д., не эффективное использование сельскохозяйственных машин, не заинтересованность МТС в развитии животноводства (История Бурятской АССР. Улан-Удэ, 1959. Т. 2. С. 428; Очерки истории Хакасии советского периода. Абакан, 1963. С.187). Такая оценка деятельности МТС, данная в этих работах, определяла перспективные направления исследований, требующих дальнейшего изучения и разработки с тем, чтобы выявить объективные и субъективные причины отмеченных недостатков.

Отдельные факты о МТС имеются в обобщающих книгах по истории партийных организаций автономных республик и областей Восточной Сибири (Славное сорокалетие. Из истории Красноярской партийной организации (1917–1957 г. Красноярск, 1957; Очерки истории Бурятской организации КПСС. Улан-Удэ, 1970; Очерки истории Красноярской краевой организации КПСС. Красноярск, 1982; Очерки истории Хакасской областной организации КПСС. Абакан, 1987; Очерки истории Читинской областной организации КПСС. Иркутск, 1986). Здесь также основной упор сделан на обобщение статистических данных о МТС, их кадровом составе, подчеркнута роль политотделов в укреплении колхозного строя. Несмотря на то, что в этих работах преобладал историко-партийный подход, приведенные авторами факты, осмысленные сквозь призму критического анализа, представляют несомненный интерес.

Некоторые общие сведения о становлении и развитии МТС представлены в трудах сибирских историков и юбилейных изданиях, пос-

вященных социально-экономическому развитию Восточной Сибири и аграрным проблемам. Так, вопросы создания и развития МТС в национальных районах Сибири затронуты в пятой главе монографии Г.Л. Санжиева, в которой, на примере Бурят-Монголии и Хакасии раскрыта роль МТС в деле коллективизации и укрепления колхозов. Следует отметить, что автор уделил большое внимание машинно-сенокосным станциям, которые оказали помощь скотоводческим хозяйствам в создании колхозов и способствовали переходу кочевников и полукочевников на оседлость и приобщение к земледельческой культуре (Санжиев Г.Л. Переход народов Сибири к социализму, минуя капитализм. Новосибирск, 1980).

Деятельности политотделов МТС в 1933-1934 гг., посвящены статьи Ю.А. Гаркуши, Г.Л. Санжиева, А.В. Чесноковой и др. (Гаркуша Ю.А. К вопросу о деятельности политотделов МТС Бурят-монголии в 1933–1934 гг. // Труды Бурят-Монгольского зооветеринарного института. Улан-Удэ, 1957. Вып. XI. С. 3–32; Санжиев Г.Л. О роли политотделов МТС в организационно-хозяйственном укреплении колхозов БМ АССР (1933–1934 гг.) // Записки БМНИИК. Улан-Удэ, 1957. Вып. XXIII. С. 3–23; Чеснокова А.В. Политотделы МТС Хакасии в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов (1933–1934 гг.) // Ученые записки ХАКНИИЯЛИ. Вып. XVI. Серия историческая № 3. Абакан, 1971. С. 165–166). Авторы, исследуя деятельность политотделов МТС, отметили, что их костяк составили кадровые рабочие, имевшие опыт партийной и советской работы из Москвы, Ленинграда и других центров. Основные направления работы политотделов, заключались в организации проведения весенних посевных работ, создании беспартийного колхозного актива, подготовке колхозных кадров и механизаторов и т.д. В целом, авторы пришли к выводам, что политотделы проделали большую работу по организационно-хозяйственному и политическому укреплению колхозов. Такая точка зрения созвучна с другими работами по этой проблематике, вышедшими в свет в 60–80-е гг. XX в., когда деятельность политотделов получила положительную оценку. Вместе с тем, в последнее время акцент сместился в сторону олицетворения последних, с необычайными органами управления, символизировавших административно-репрессивную систему руководства. В связи с этим, по мнению А.С. Шевлякова, при анализе работы политотделов необходим подлинно научный подход, предполагающий всесторонность и объективность (Шевляков А.С. Политотделы МТС и совхозов. Чрезвычайные партийно-государственные органы управления в сельском хозяйстве Западной Сибири в 1930-е гг. Томск, 2000).

Подводя итоги, следует отметить, что советская историография в оценке вопросов организации и деятельности МТС в Восточной Сибири придерживалась строгой идеологической направленности. В большинстве обобщающих работ, монографий, научных статей отмечаются успехи, достигнутые в процессе деятельности МТС по модернизации сель-

скохозяйственного производства в годы первых пятилеток. В тоже время наблюдается недостаток анализа негативных тенденций, возникших во взаимоотношениях между МТС и колхозами, по отношению к которым МТС выступали в роли руководящих органов. Тем не менее, нельзя отрицать научную ценность работ этого периода, так как они заложили основу для изучения проблемы организации и развития МТС Восточной Сибири в 1931–1941 гг.